

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиатека

Сообщество

— Соколовская Александра

Современное искусство и арт-критика в Беларуси

Jul 23, 2011 0 2 580

Что принесло первое десятилетие 21 века в арт-среду Беларуси, что можно о ней сказать и как можно ее анализировать, какие вопросы возникают при обращении к анализу современного белорусского искусства?

Круглый стол «Современное искусство и арт-критика» состоялся в галерее «У» 10 мая 2011 г. в рамках проекта «Радиус нуля. Онтология арт-нулевых» (организаторы: Оксана Жгировская, Ольга Шпарага, Руслан Вашкевич).

Эксперты:

Ольга Коваленко — кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии Института современных знаний

Анна Самарская — независимый куратор, магистрантка программы «Визуальные и культурные исследования» ЕГУ

Светлана Полещук — арт-критик, преподаватель академического департамента медиа ЕГУ

Егор Сурский — независимый куратор, магистрант программы «Охрана и интерпретация культурного наследия» ЕГУ

Ирина Соломатина — независимый менеджер арт-проектов, инициатор проекта «Гендерный маршрут»

Модератор:

Ольга Шпарага — к.ф.н., доцент ЕГУ, редактор интернет-журнала «Новая Еўропа»

РУБРИКИ

news обзор (6)
 активизм, закон, цензура (31)
 арт-институции (11)
 архитектура, охрана памятников (3)
 Без рубрики (1)
 белорусский авангард (5)
 гендер, феминизм, квир (23)
 дискуссии (9)
 заслуженный работник культуры (2)
 издания (11)
 институциональная критика (7)
 интервью (46)
 итоги (15)
 круг интересов (2)
 кураторское дело (3)
 лекция (7)
 манифесты, акты, декларации (7)
 материалы па-беларуску (16)
 международный опыт (26)
 некролог (3)
 общество (10)
 опрос (5)
 перформанс (5)
 письмо редактора (3)
 портфолио (4)
 реакции, наблюдения, тенденции (40)
 события, выставки (53)
 стрит-арт, паблик-арт (10)
 текст художника (7)
 терминология (7)
 фотография (16)
 художники (38)
 школа критики (3)

Оксана Жгировская, Ольга Шпарага, Руслан Вашкевич

Ольга Шпарага: Наша задача состоит в том, чтобы попытаться ответить на следующие вопросы: Что принесло первое десятилетие 21 века в арт-среду Беларуси? Что можно о ней сказать и как можно ее анализировать? Какие вопросы возникают при обращении к анализу современного белорусского искусства? Оксана Жгировская, как куратор проекта «Радиус нуля. Онтология арт-нулевых», скажет о нем несколько слов.

Оксана Жгировская: Идея проекта возникла в связи с необходимостью анализа белорусской арт-среды первого десятилетия 21-го века. Проект состоит из двух частей. В первой части работают эксперты: они определяют наиболее значимые проекты, тенденции и имена. Эта часть представляет собой исследование, опирающееся на выделение знаковых событий, на основе которого будет сделана выставка. Во второй части будет дана критическая оценка получившейся картины белорусских арт-нулевых.

Мы бы хотели, чтобы на круглом столе критики попытались определить, какие проблемы они будут исследовать и что будут критиковать (агентов арт-поля, например).

Может быть, стоит попробовать сделать исследование, учитывая различные дискурсы: социальный, гендерный, философский, чтобы с разных сторон исследовать арт-среду? Возможно, стоит разделить арт-среду на сектора: исследовать по отдельности фотографов, живописцев, скульпторов, их взаимодействие в ходе десятилетия?

Ольга Шпарага: Тогда первый вопрос, как каждый из критиков видит своё собственное исследование? На что бы вы хотели обратить внимание, обращаясь к этому десятилетию? Каков тот подход, на который вы будете опираться?

Светлана Полещук: Для меня в этом смысле очень яркий пример то, что сделали латыши. В начале апреля в Риге наткнулась на книгу «Современное латышское искусство 90-х». Это такой том, в котором собраны не только иллюстрации, но также огромное количество статей самых разных людей на самые разные темы. Я купила ее потому, что там были статьи по фотографии. Там исследовались различные жанры искусства и различные проблемы. В первой, вводной статье речь шла о том, в каких социально-политических и культурных условиях оказалась Латвия, т.е. ставилась задача определить обстановку для того, чтобы говорить об искусстве. Ключевым оказался объём. Я не знаю ни одного из авторов статей, но когда это собирается в большую публикацию, а не просто брошюру или маленький сборник, и каждая статья проиллюстрирована примерами, книга заслуживает интереса. Это такой пример многостороннего исследования. Здесь у меня напрашивается вопрос к авторам проекта: как вы видите результат этого коллективного труда? Будет ли это веб-сайт, газета? Насколько амбициозным будет результат по сравнению с замыслом?

Ольга Шпарага: Как уже отметила Оксана, книга будет состоять из двух частей. Первая часть будет визуальная, поскольку мы хотим воссоздать через важные арт-события то, что определяло первое десятилетие 21-го века в арт-среде Минска. Вторая, главная часть будет состоять из критических текстов. И пока мы еще в поиске, что именно это будет: будут ли это тексты о каждом из сегментов арт-поля, или о событиях, которые будут представлены на выставке, или о номинациях, которые объявлены.

Оксана Жгировская: Мне это видится многосторонним исследованием. Критики, эксперты уже выделили значимые идеи, значимых людей, значимые проекты. А исследовать саму арт-среду, как она формировалась и какие процессы происходят внутри, — это дело критиков. Эта латышская форма — что-то близкое. Более того, важен цифровой носитель и свободный доступ в Интернете.

Ольга Шпарага: На пресс-конференции проекта художниками Сергеем Кирющенко и Сергеем Шабохиным была высказана идея создать архив десятилетия. Мы всё-таки от этой идеи отказываемся, мы хотим представить это десятилетие как десятилетие событий, обращая внимание на самое важное. Поэтому у нас предложение Сергею и Сергею написать текст о том, что можно представить десятилетие и в виде архива, и каким образом они видят этот архив. Однако центральной является идея понять, о чём говорят важнейшие арт-события десятилетия, можно ли на их основе судить не только об арт-пространстве, но, возможно, и о социальном, политическом пространстве, то есть можно ли спроецировать эти события на другие поля?

Светлана Полещук: Мне кажется, вам не стоит делать ту работу, которую должны сделать индивидуально исследователи, занимаясь своими диссертациями. Если я правильно поняла ваш замысел, то здесь как раз представить некое многоголосие того, что можно сказать об этом периоде.

Ольга Шпарага: И ещё нам хотелось бы сделать социологическую часть. Мы собираем информацию о выставках, сколько их было, их названия, и это также будет предложено аналитикам для анализа и сравнения.

Ольга Коваленко: Я считаю, что может получиться очень интересный проект. Как критик, я обозначила те проблемы, которые хотела бы затронуть в своей статье. Эти проблемы органично перешли из нулевых в десятые и остаются актуальными сегодня. Меня волнует проблема художественного качества. Мы должны уйти от бедного искусства, эстетики плохой вещи. Все мы имеем возможность бывать за рубежом, видеть выставки зарубежных художников. Когда мы начинаем говорить о нашем искусстве, к сожалению, мне часто приходится убеждаться в том, что наше искусство остаётся бедным, не только в переносном, но и в прямом смысле. Безусловно, это также экономическая проблема, от которой мы пока с трудом можем уйти. Но тем не менее мне кажется, что не следует культивировать эту мусорную эстетику, с чем мы часто сталкиваемся, а пора от неё уходить, потому что внедрение новейших технологий, научные достижения в очень значительной степени вторгаются в тело современного искусства. Понятно, что мы не можем в силу бедности пользоваться этими достижениями так, как пользуются ими наши коллеги, особенно в США и странах ЕС.

Недавно пришлось побывать в Париже, в центре Жоржа Помпиду, там очень многие достижения в искусстве связаны с новейшими технологиями. И, увы, здесь мы по объективным причинам отстаём. Но

меня беспокоит то, что в Беларуси продолжается культивация эстетики бедного искусства. Необходимо обновление языка и средств для повышения качества. Это актуальная проблема, характерная для нулевых и перешедшая в десятые.

Ольга Шпарага: В связи с этим возникает вопрос, а кто должен определять это качество?

Ольга Коваленко: В данной ситуации мы должны подумать, обсудить, проанализировать эту проблему. Создать архив, проанализировать тенденции, выявить лучших художников — это внутренние проблемы искусства. Мы не должны забывать о проблеме качества. К примеру, вся выставочная деятельность галереи «У» — это большой, интересный, цельный проект, но и в галерее «У» мне не раз приходилось сталкиваться с проблемой качества.

Светлана Полещук: Мне кажется, здесь напрашивается вопрос об объективности и субъективности высказываний в этих статьях. Поскольку общественность будет заинтересована в максимальной объективности.

Ольга Коваленко: А максимальная объективность, она вообще существует?

Светлана Полещук: Да, абсолютная объективность недостижима, тем более в рамках такого проекта, который не является строгим, академическим исследованием. Здесь скорее попытка составить карту местности, чтобы понять, что здесь происходит.

Ольга Коваленко

Ольга Коваленко: Ещё несколько внутренних проблем искусства, которые актуальны. Во-первых, сами понятие актуального и современного искусства. Мы должны чётко определить: что это такое, как это разделить, как обозначить? Следующая внутренняя проблема искусства — это проблема применимости к художественным средствам выражения понятий прогрессивного и консервативного. Вот сидит Руслан Вашкевич, мы вполне можем назвать его прогрессивным актуальным художником. Но те средства выражения, которые использует Руслан, часто имеют традиционный формат: он работал кисточкой, работал на холсте, он не использовал видеоарт. Так вот здесь вопрос о применимости понятий прогрессивного и консервативного к художественным средствам выражения. Это тоже важная проблема, которая должна волновать наших критиков не меньше, чем художников. Создать карту важно, но не нужно забывать о внутренних проблемах искусства. В своих статьях я хотела бы обратиться к этим проблемам, и мне хочется, чтобы другие критики также обратились к этим проблемам.

Светлана Полещук: Мне кажется, невозможно будет добиться типологического единства всех статей. Сборник будет также говорить об авторах, показывать уровень их мышления, каждый автор будет говорить, исходя из той системы координат, которую он считает правильной. Конечно, если организаторы захотят сделать его терминологически единым, то это может быть представлено как задача. Но изначально, я думаю, невозможно даже для меня писать о фотографии в тех категориях, которые мне предлагают, я буду выбирать свои.

Ольга Шпарага: В принципе, когда проводится такое коллективное исследование, то можно ставить цель согласования терминологии, но это делается уже на втором или третьем этапе, для этого авторы высылают друг другу тексты. Можно попытаться, чтобы они договорились о ключевых понятиях. Так как у нас такой открытый проект, мы будем по ходу ориентироваться: важнее сделать палитру или согласовать ряд понятий?

Ольга Коваленко: Я хочу заметить, что я ни в коей мере не навязываю те вопросы, которые я сейчас поставила. Мне с моей позиции искусствоведа кажется, что эти внутренние проблемы искусства чрезвычайно актуально, но это не значит, что все должны пойти по этому пути.

Ольга Шпарага: Мы сейчас послушаем других экспертов, считают ли они важными эти проблемы или какие ещё выделяют.

Егор Сурский: Мне кажется актуальной в рамках этого исследовательского проекта тема белорусских художников, которые живут и работают на Западе. Сегодня мы уже имеем три поколения белорусских художников, которые сформировались и закрепили свой статус на Западе. Но реалии сегодняшней жизни таковы, что они имеют возможность поддерживать связь с художниками, которые работают в Беларуси, происходит интенсивное общение, выставки в том числе. Насколько их опыт актуален для современной белорусской арт-среды? Насколько должна происходить интеграция их опыта в белорусскую арт-среду? Потому что многие из них уехали с нашим художественным образованием, а многие получили художественное образование там и использовали те художественные методы, которые до этого не использовались в Беларуси. Это вопрос существования белорусского искусства в международном контексте. Сегодняшние условия позволяют оставаться белорусским художником, находясь на Западе, и многие из них позиционируют себя как белорусские художники. Поэтому этот аспект, как мне кажется, должен быть затронут в рамках проекта.

Оксана Жгировская: У меня два замечания. Во-первых, в этом проекте мы концентрируемся в первую очередь на Минске. Думаем глобально, действуем локально. Во-вторых, мы говорим о белорусском арт-поле, о том, что формирует его. Поэтому вопрос о том, формируют ли эти художники активно белорусское арт-поле, кажется важным.

Егор Сурский: Я говорю о том, что в принципе сегодня белорусское современное искусство немалым образом лишено мирового контекста, или хотя бы европейского. Можно поставить целью сформулировать для себя вопрос о том, доступен ли международный контекст белорусскому искусству, подойти с такой точки зрения.

Ольга Шпарага: Мне тоже этот вопрос кажется важным. Но если говорить о выставочной части и о событиях, которые определяют арт-среду, то наша задача выделить те события, которые определяли минскую арт-сцену нулевых. Если эти художники приезжали, выставлялись здесь, то они тоже могут войти в выставочную десятку. Но что касается аналитической части книги, то там, конечно, можно сослаться, проводить параллели, упоминать больше имён, задача в том, чтобы с разных сторон отразить десятилетие. И если это влияние было, то важно его показать.

Анна Самарская: Я работаю в сегменте фотографии и представляю результат моей магистерской диссертации. В рамках моего исследования объектом являются не сами фотографии, а сообщество фотографов, которое существует последнее десятилетие в Минске. Таким образом, мне интересна логика функционирования, специфика, которая существует здесь, какие ключевые события происходили, насколько они определяют сегодняшнее состояние и понимание арт-фотографии? Я не знаю, насколько в своей финальной публикации я буду затрагивать какие-то формальные моменты, но сейчас мне было бы интересно рассматривать фотографов, которые существуют здесь и сейчас и которые производят понимание арт-фотографии.

Ольга Шпарага: Ольга Коваленко подняла ряд вопросов по поводу соотношения субъективного и объективного, современного и актуального, прогрессивного и консервативного. Значимы ли для Вас, Анна, эти вопросы?

Анна Самарская: Меня интересует и то, насколько актуальное состояние белорусской арт-фотографии соотносится с международным контекстом, но не думаю, что на этом я буду делать особый акцент.

Ирина Соломатина: У меня вопрос к Егору по поводу трёх поколений белорусских художников, которые живут за границей, что ты имеешь в виду?

Егор Сурский: Первое поколение — это Борис Заборов, который уехал в 80-е годы. Второе поколение — это Тишин, Залозная, Заслонов. А третье поколение — это уже те художники, которые получили образование в Германии.

Ирина Соломатина: Для меня постановка вопроса более проблематична, потому что моё понимание поколений иное. Например, существует поколение шестидесятников и может не быть поколения

сороковых. На мой взгляд, один художник не может задавать тенденцию. Это должно быть некое явление, которое может быть опознано как тенденция, и с этой точки зрения мы можем опираться на художников, которые, получив академическое образование здесь, выехали, при этом они сохраняют связь с Беларусью и, выставляясь по всему миру, позиционируют себя как белорусские художники.

По поводу вопроса Ольги Коваленко: на мой взгляд, актуальное и современное очень легко разделить, поскольку современное искусство начинается от Малевича, и достаточно просто объяснить, чем оно отличается от искусства 19-го века. Другой вопрос, по поводу актуальности: если мы берём Вашкевича, то мы должны попытаться доказать его актуальность для какого-то местного или международного контекста. И здесь придётся потрудиться. Мне кажется любопытным, что все критики и эксперты, которые участвуют в этом проекте, не загнаны в жёсткие рамки, и каждый из нас может высказать свой субъективный взгляд на локальность и развить его в своём исследовании.

И это сильная сторона, потому что все сборники, которые сегодня издаются, претендуют на представление среза современного искусства, а представляют собой смесь всего. Поэтому то, что мы, как критики, эксперты, пытаемся отстаивать какое-то новое, своё видение, ссылаясь на выставки, указывая, что конкретный художник значит для нашего исследования, даёт нам возможность создать некую базу, на которой потом можно нечто надстраивать. Мы не можем сейчас заниматься всем, не можем заниматься внутренними проблемами белорусского искусства, но мы можем выйти из этой ситуации и посмотреть на неё отстранённо. На мой взгляд, в этом значимость этого проекта. Потому что временные рамки есть, художники есть.

Ольга Коваленко: Я всё-таки настаиваю на том, что внутренними проблемами искусства мы должны заниматься, занимаемся и будем заниматься. Как можно говорить об искусстве, не говоря о внутренней проблеме качества? Другое дело, что эта проблема качества в разные эпохи понималась и трактовалась по-разному. Где критерий оценки этого качества?

Ирина Соломатина: Мне кажется, проблема здесь не в критериях оценки качества произведения, а в критериях оценки исследовательского подхода. Когда, допустим, о Литвиновой пишет её муж, в контексте вписываемости в архитектуру преемственности традиций белорусского искусства, — это одно, а когда о Литвиновой пишет критик из Австрии — это совершенно другое. И мы видим, что есть одно произведение искусства, но при этом два человека из разных контекстов совершенно по-разному пытаются его объяснить. Австрийская система искусствознания одна, а наша, локальная система другая.

Мне кажется, что профессиональный подход к любому проявлению искусства состоит в грамотной аргументации, то есть, если ты действительно видишь, ты пытаешься вписать это произведение в некий контекст, а потом обосновать это. И если ты предлагаешь непротиворечивую аргументацию, то она имеет право на существование. И это, мне кажется, сильная сторона проекта. Потому что, конечно, Тамара Карандышева, как историк искусства, будет писать не такие тексты, как я. И при этом наши тексты не обязательно будут находиться на разных полюсах, они могут стоять рядом.

Ольга Коваленко: Каждый критик имеет право на субъективность, я не верю в то, что существует объективность. И когда мы имеем диаметрально противоположное отражение проблемы в текстах — это очень хорошо, потому что мы создаём объёмный образ. Но я опять повторяю, что эти внутренние, теоретические проблемы искусства, проблема качества, проблема критериев оценки всегда должна присутствовать.

Ольга Шпарага: Мне пришла в голову мысль, что действительно этот вопрос о критериях оценки и того, что такое произведение искусства, отчасти будет центральным для каждого текста, потому что каждый исходит из своего дискурса, семиотики фотографии, к примеру, гендерного подхода, социально-критического. И каждый, исходя из своего подхода, будет определять, почему он выделяет какие-то события и тем самым обосновывает, что такое произведение искусства изнутри его подхода. В рамках круглых столов мы уже неоднократно обсуждали, что белорусские исследователи искусства никак не могут выйти за пределы классической искусствоведческой парадигмы. И в рамках этого проекта хотелось бы, чтобы такой выход произошел, так как участники проекта из разных дисциплин — социологи, искусствоведы, философы. Чтобы они попытались выйти за границы классического искусствоведческого дискурса и попробовали поразмышлять, что же такое произведение искусства внутри различных дискурсов, но не вообще, а на примерах белорусского актуального искусства первого десятилетия 21 века. Поэтому мне очень симпатична постановка вопроса о критериях. И, возможно, каждому из нас нужно будет поразмышлять, как представить свой дискурс, свой подход, что для него важно, на какие книги можно сослаться, чтобы читатель затем смог их почитать.

Светлана Полещук: Но это не значит, что каждый их критиков изобретает свой подход. Мы в любом случае будем опираться на нечто, что уже есть в истории искусств, ссылаясь на некоторых авторов, задавая свою систему координат, потому что сегодня придумать абсолютно новый подход просто невозможно. В любом случае это внутренняя рефлексия по поводу искусства.

Егор Сурский: Я хочу объяснить, почему я выделил именно эти волны миграции белорусских художников. Всё-таки тут важно не то, когда они уехали, а то, что это десятилетие было фазой их активного творчества, становления именно в европейском контексте. А тот творческий багаж, который они увезли, является производным от того, что они уехали. И эта перспектива их опыта в том числе является ценной и актуальной для тех художников, которые живут здесь сегодня.

Светлана Полещук: У меня такой вопрос организационного плана. Может, интересно не ждать, пока критики в конце лета предоставят свои статьи и всех удивят своим анализом, а начать с того, что каждый предоставит план того, что будет исследовать, как, какой методологией будет пользоваться, и мы можем даже обсудить это, чтобы узнать, какие у кого есть идеи?

Алексей Браточкин, историк: Я по ходу дела хочу понять, по каким причинам выбирается тот или иной временной период? Мне кажется, что на самом деле это и получится архив, собрание всего.

Руслан Вашкевич

Руслан Вашкевич: Привязка к десятилетию совершенно условная и формальная. Мы исходили из аналогии с проектами, которые прошли в России и других странах, когда проводится анализ десятилетия. Мне кажется, это удобно, когда берётся определённый временной интервал. Понятно, что многие из проектов, реализованных в 2000-х, готовились ещё в 90-х. Это скорее попытка создать систему координат с помощью одной постоянной известной — временной, всё остальное нам не известно.

Алексей Браточкин: Ольга Шпарага сказала о том, что надо избавляться от классической искусствovedческой парадигмы, но одновременно мы описываем то, что происходит в Минске. Мне было бы любопытно, как то, что произошло в общем контексте, повлияло на то, что происходит здесь. Потому что получается, что мы описываем внутренние моменты, но важно понять, почему это вообще здесь произошло. Куда вообще вписана арт-среда Минска? Одна ее часть — это наследие предыдущего периода, другая возникла как результат влияния открытых границ и возможности получать информацию. Опять же, понятия актуальное, современное искусство откуда-то пришли, не здесь появились.

Ольга Шпарага: У нас есть часть проекта, которая уже завершена, когда мы задавали вопросы экспертам (у нас 12 экспертов), и они определяли тенденции, художников, в том числе дали определение современного искусства, и мы полагаемся на этих экспертов. Однако критики, когда будут писать статьи, обязательно должны опираться на экспертов. Мы еще думаем, как будем это сопоставлять. Каждый из критиков может сам определиться в своём тексте, что такое современное, каковы критерии его оценки, с чем и каким образом соотносить современное белорусское искусство.

Светлана Полещук: Мне кажется, при написании статей нам не удастся избежать сравнений, мы не будем ограничивать себя каким-то имманентным анализом конкретного произведения. Сравнения с Западом, соседними странами не избежать. Понимание того, что происходит здесь, во многом приходит, когда начинаешь сравнивать с тем, что происходит вокруг. Здесь нет никакого противоречия.

Александр Колесников, журналист: Не будет ли такого, что эта книжка в конце окажется слишком глянцево? Насколько она будет актуальна в международной среде, будет ли она актуальна для ближайших стран, либо это будет какая-то похвальба одними другими? То есть я за то, чтобы писать объективно и правдиво.

Ольга Шпарага: Я, честно говоря, представляю, наоборот, что тексты будут слишком критичными, т.е. авторы будут писать, что не удалось, что событий мало или нет вообще, тенденций не обнаружено. Хотя что-то, наверное, и получилось. Т.е. у нас были установки, что это будет серьёзный анализ.

Ольга Коваленко: Мне кажется, что эта книжка в первую очередь будет интересна нам самим, а не тем, кто находится за пределами Беларуси. Поэтому не следует ориентировать на всех и думать, что мы удивим весь окружающий мир. Сейчас, мне кажется, главная задача — нам самим разобраться, что же здесь у нас произошло, не думая о том, что подумают о нас другие.

Светлана Полещук: Я опять возвращаюсь к латышскому примеру. Я купила в Риге две книжки: про искусство Латвии 90-х и «Историю латышской арт-критики». Это диссертации, переведённые с латышского на английский. Необычайно интересно посмотреть, какие процессы происходят в странах, очень похожих на нас. Это очень интересно для сравнения. Судя по всему, белорусское искусство востребовано, и интерес к анализу белорусского искусства со стороны соседей, мне кажется, можно прогнозировать.

Ольга Шпарага: К белорусскому искусству, действительно, есть интерес, и нам, конечно, хотелось бы сделать книгу и на английском, но в первую очередь эта книга для нас, поэтому она будет на русском и белорусском и, по нашей задумке, должна служить налаживанию коммуникации, стимулированию критики, осмыслению того, что происходит.

Светлана Полещук: Здесь ещё вопрос читателя тогда. Когда пишешь текст, ориентируешься на какого-то читателя. В этом смысле одно дело ориентироваться на жителей Минска, другое — на западного читателя. Это немного другой ракурс.

Ольга Шпарага: Да, на английском языке нужны другие контекстуализации. Поэтому мы решили, что в первую очередь делаем на русском и белорусском, потому что пока самой насущной проблемой остается проблема налаживания коммуникации между художниками, критиками и вообще заинтересованными в том, как арт-среда развивается, может ли она взаимодействовать с другими полями.

Ольга Коваленко: Эта задача должна формулироваться и быть первостепенной.

Артур Клинов, художник: Вы говорили об оценке арт-сцены нулевых в Минске. У меня вопрос: мы идём в первую очередь от места или от автора, который выступал на нашей сцене?

Ольга Шпарага: На первом месте у нас минская арт-среда. Возможно, все тексты будут о том, что ничего не было, мы это уже обсуждали.

Ольга Коваленко: Я считаю, что Артур совершенно прав. Если говорить о нулевых, то наши нулевые начались в середине 90-х. Как мы можем отметить тех авторов, которые в середине 90-х развивали те тенденции, которые сегодня стали проявляться? Поэтому этот вопрос закономерен и чрезвычайно важен.

Ирина Соломатина: Я уже говорила, что для меня тут нет противоречия. Для меня выставка во Дворце искусств совершенно идентична тому, что делал Тишин, когда он брал свои работы и развешивал около двухэтажного сарая в своём дворе и в течение шести часов стоял и наблюдал, как мимо ходили зрители и реагировали на его нарисованных обнажённых женщин. Мне кажется, можно не привязываться к институциональным площадкам, которые здесь есть, не они задают тенденции, которые здесь и сейчас можно наблюдать.

Артур Клинов: Тогда у меня еще вопрос. Включаем ли мы в данный проект тех художников, которые были не на территории Минска, но имели значимость для Минска?

Ирина Соломатина: Мне кажется, что это точка зрения исследователя. Если исследователь обоснует и покажет, что какой-то человек влиял на эту локальность, то это его право.

Оксана Жгировская: Да, эти художники имеют для нас интерес, если они формировали арт-среду десятилетия.

Сергей Шабохин, художник: Мне кажется, что в самом названии проекта есть много ограничителей. Во-первых, нулевые, во-вторых, белорусское искусство, в-третьих, актуальное, а вы ещё хотите ограничиться Минском. Почему не будет представлена витебская арт-сцена, например?

Оксана Жгировская: С самого начала проект был заявлен как локальный, минский. У нас нет столько ресурсов и возможностей, чтобы определить необходимое количество экспертов для анализа ситуации и в регионах. Возможно, этот опыт будет примером для более масштабных проектов.

Ольга Шпарага: Это замечание по поводу Минска было нам высказано и Центром исследований современного искусства при ЕГУ. Первоначально у нас была идея охватить всю Беларусь, но нам было рекомендовано ограничиться, локализовать наш проект, поэтому мы и остановились на Минске.

Ирина Соломатина: На самом деле, проект действительно экспериментальный. Я уже говорила, что мне, например, как исследователю, интересно, что было в нулевых, именно с точки зрения событий. Какой резонанс имели для общественной среды некие локальные закрытые выставки, про которые никто не помнит? На мой взгляд, если я как исследователь ставлю точку и вокруг неё начинаю расчерчивать круги, то это привлекает большее количество народа.

Артур Клинов: Хорошо, тогда событие — это что? Факт какой-то выставки или то, что там произошло нечто важное?

Ирина Соломатина: Это выставка, которая стала значимой для формирования арт-среды и, возможно, не только арт-среды, но и социальной среды. Если критик говорит, что это событие, то он должен это обосновать.

Оксана Жгировская: У нас есть описание, то, что выделяли эксперты: сам вопрос о тенденции, о новом имени, о художественном проекте (коллективном, индивидуальном, национальном) в пределах Минска. Получается, если художник, к примеру, Сергей Шабохин, сделал проект по нео-поп арту, если кто-то выберет этот проект и выделит его как новую тенденцию, то за этим может быть интерпретативный ряд: почему такая выставка стала возможной? О чём она говорит (не только в арт-, но и в социальном контексте)? С одной стороны, задача критика — проанализировать событие, с другой стороны, апробировать критические подходы, чтобы картографировать ситуацию.

Ольга Шпарага: Что такое вообще актуальное белорусское искусство? Позволяет ли нам взгляд на последнее десятилетие опознать, идентифицировать современное белорусское искусство? Что следует делать, чтобы самоопределись в арт-поле? Таковы главные вопросы проекта. И мне кажется то, что отправная точка такая локализованная, — это важно. Наша задача — это осмысление арт-среды, налаживание коммуникации в ней, поэтому важны не авторы, может быть, даже не проекты, а важно то, как формировалась среда, как мы её понимали, способны ли понять и оценить сегодня. С самМне кажется, вам не стоит делать ту работу, которую должны сделать индивидуально исследователи, занимаясь своими диссертациями. Если я правильно поняла ваш замысел, то здесь как раз представить некое многоголосие того, что можно сказать об этом периоде./strongого начала, как только этот проект стартовал, было множество замечаний и возражений. Мы воспринимаем это как положительный шаг. Путь этот проект будет вызовом для других проектов, ведь исследований белорусского контекста катастрофически недостает.

//Источник: www.n-europe.eu ©

//читайте по теме: [интервью с Оксаной Жгировской о проекте «Радиус нуля. Онтология арт-нулевых»](#)

Tweet

0

Нрави

Читать по теме:

«Ченто»: вместо (ДЕ)фрагментации – полное форматирование

Форум Znyata: белорусская фотография в начале 21-го века

дискуссии школа критики александр колесников алексей браточкин анна самарская артур клинов
галерея современного искусства "у" егор сурский ирина соломатина оксана жгировская ольга коваленко
ольга шпарага проект "радиус нуля. антология арт-нулевых" руслан вашкевич светлана полещук
сергей шабохин

Предыдущая публикация

Следующая публикация

Комментарии: 0

Сортировка Самые старые

Добавьте комментарий...

[Плагин комментариев Facebook](#)

Добавить комментарий

Имя *

Email *

Сайт

Комментировать

[О проекте](#)
[Партнеры](#)
[Реклама](#)
[Контакт](#)

[Facebook](#)
[Twitter](#)
[RSS](#)

© 2011-2012 Art Activist. Все права защищены.

Design & Web Development
by Sgustok Studio